

УДК 32

DOI: 10.34670/AR.2025.94.75.009

Политико-правовые и геополитические аспекты энергетической безопасности Центральной Азии в условиях трансграничного водопользования

Шовалли Джера Синавбарович

Директор,
Автономная некоммерческая организация «Евразия»,
119021, Российская Федерация, Москва, ул. Тимура Фрунзе, 11;
e-mail: sng.obr@yandex.ru

Аннотация

В статье рассматриваются правовые и геополитические аспекты обеспечения энергетической безопасности в Центральной Азии в контексте трансграничного водопользования. Подчеркивается влияние советского инфраструктурного наследия, анализируются вызовы и возможности регионального сотрудничества, рассматриваются международные и двусторонние соглашения. Особое внимание уделяется роли Таджикистана как страны верховья и активного участника энергетической интеграции. Сделан вывод о важности правового регулирования и развития многосторонних механизмов для устойчивого управления водно-энергетическими ресурсами.

Для цитирования в научных исследованиях

Шовалли Д.С. Политико-правовые и геополитические аспекты энергетической безопасности Центральной Азии в условиях трансграничного водопользования // Теории и проблемы политических исследований. 2025. Том 14. № 7А. С. 103-114. DOI: 10.34670/AR.2025.94.75.009

Ключевые слова

Энергетическая безопасность, трансграничное водопользование, Центральная Азия, международное водное право, региональное сотрудничество, водно-энергетические ресурсы.

Введение

После распада Советского Союза среда Центральной Азии, региона со сложным балансом водных и энергетических потребностей, оказалась разделена между новыми независимыми государствами. Это потребовало укрепления правовых и политических основ для централизованного управления водными и энергетическими ресурсами с учетом интересов новых политических образований. К тому же, в условиях трансграничного использования рек обеспечение водой гидроэлектростанций и, как следствие, региональной энергетики сопряжено с межгосударственными рисками, а нерациональное потребление может привести к дефициту воды и отказу от правовых механизмов справедливого распределения ресурсов, что чревато энергетическим кризисом, ростом зависимости от импорта энергии и ослаблением политических позиций.

Эти процессы создают угрозу дестабилизации обстановки в регионе и возможность вмешательства внешних сил. В связи с этим необходимо создание юридического режима распределения водных ресурсов и заключение многосторонних соглашений для предотвращения конфликтов и защиты стратегических интересов.

В геополитическом аспекте Центральная Азия с древних времён выступала важным узлом Великого шёлкового пути, а затем была глубоко интегрирована в инфраструктуру Советского Союза посредством железных дорог, автодорог и трубопроводов, соединяющих её с севером, то есть с Россией. После обретения независимости эти связи постепенно трансформировались в новые торговые маршруты и инфраструктурные проекты, а периоды миграции рабочей силы в Россию в 1999–2014 годах усилили экономическую зависимость таких стран, как Таджикистан и Кыргызская Республика. Влияние России и её энергетико-транспортной сети по-прежнему оказывает значительное воздействие на управление водными ресурсами и энергетическую независимость региона. Устойчивость региональной энергетической безопасности сегодня во многом зависит от укрепления национального и регионального законодательства, развития независимой инфраструктуры и налаживания эффективного геополитического диалога между странами Центральной Азии и внешними игроками, особенно с Россией и Китаем.

Важность рассматриваемой проблематики подчёркивается необходимостью разработки действенных стратегий для предупреждения и устранения потенциальных разногласий и укрепления международного взаимодействия в регионе с акцентом на правовые и геополитические аспекты.

Материальная база и методологические инструменты

Проведен анализ законодательных актов, политических директив и научных публикаций для изучения ключевых проблем в водно-энергетической сфере Центральной Азии. Целью исследования является совершенствование законодательства и нормативных актов с учетом интересов всех государств и обеспечение устойчивого прогресса региона. Особое внимание уделено рекам Амударья и Сырдарья, а также энергетической инфраструктуре, унаследованной от советской эпохи. В качестве методов исследования использовались документальный и сравнительный анализ, системный и исторический подходы.

Основное содержание

Сегодня, когда глобальный энергетический переход предполагает не только смену источников энергии, глубокую реорганизацию структуры и коренную перестройку моделей

потребления, но и затрагивает как сами ресурсы, так и связанные с ними услуги, требуется эволюция устоявшихся социально-технических систем в направлении устойчивого производства и потребления. [Leman, 2024; Mumford, www]. В Центральной Азии процессы трансформации и энергетическая безопасность, особенно в контексте трансграничных вод, представляют собой сложную и многоаспектную задачу, требующую комплексного подхода. Она выходит за рамки чисто технических и экономических аспектов, являясь сложным социально-политическим процессом, учитывающим множество взаимосвязанных факторов. Как отмечал Л. Мамфорд, «энергетические изменения неизбежно влекут за собой социальные преобразования». [Energy Information Administration, 1993; Energy Information Administration, 1995] Идеи Ф.Н. Лэрда, подчеркивающие «взаимосвязь энергетического перехода с социальными, политическими, экономическими и экологическими факторами», перекликаются с концепцией «социально-технических переходов в контексте устойчивого развития» [Гулиев, Соловова, 2021, с. 102]

С другой стороны, по мнению ведущих экспертов в области международных отношений и политической науки, «энергетическая безопасность является критически важной составляющей политической стабильности и суверенитета государств» [Janusz-Pawletta, Gubaidullina, 2015]. С точки зрения безопасности, энергетический фактор всегда играет ключевую роль. В этом смысле Центральноазиатский регион, где трансграничные реки являются стержнем устойчивого развития, а неспособность обеспечить стабильную работу энергетических сетей и доступность энергоресурсов ведёт к росту зависимости от внешних игроков, может подрывать политический суверенитет и усиливать риски внешнего влияния. [Ормышева, Кукеева, 2016]

Однако, ключевым вызовом для Центральной Азии остаются непрекращающиеся противоречия между странами региона. Многие исследователи обращали внимание на эту проблему. В частности, Александр Несмашный подчеркивает, что «проведенные ранее исследования и эмпирические данные свидетельствуют: противоречия между верховодными государствами (Таджикистан, Кыргызстан) и низоводными (Казахстан, Узбекистан и Туркменистан) неуклонно подрывают региональное сотрудничество.» [Sovacool, Mukherjee, 2011 С.229]

Таким образом, энергетическая безопасность Центральной Азии подвержена влиянию геополитических факторов и становится ареной столкновения интересов крупных держав, стремящихся к контролю над энергетическими ресурсами и транспортными коридорами. Конкуренция за доступ к энергоресурсам может приводить к политическому давлению, экономическому шантажу и даже косвенной поддержке дестабилизирующих сил. В этих условиях энергетическая безопасность становится инструментом политического влияния и рычагом давления на страны региона.

В целях укрепления энергетической безопасности Центральной Азии необходимо предпринимать комплексные меры, направленные на диверсификацию источников энергии, развитие возобновляемой энергетики, повышение энергоэффективности и укрепление регионального сотрудничества. Важным шагом является создание единого энергетического рынка с соблюдением всех правовых норм и международных юридических стандартов, которые позволят странам региона совместно управлять энергетическими ресурсами, снизить зависимость от внешних поставщиков и повысить устойчивость энергетических систем к внешним шокам. Можно также выдвинуть научную гипотезу о том, что страны с большей степенью диверсификации энергетических источников и адаптированной инфраструктурой демонстрируют большую устойчивость к внешним политическим и экономическим

потрясениям [O'Connor, 2010]. Это объясняется тем, что диверсификация снижает зависимость от единственного или ограниченного числа поставщиков, тем самым повышая энергетическую и политическую стабильность.

Необходимость комплексного подхода к анализу и решению проблем водно-энергетической безопасности Центральной Азии, сочетающего политические, правовые, экономические и инфраструктурные аспекты, предполагает распределение ключевых факторов, влияющих на управление водно-энергетическими ресурсами и безопасность в постсоветском пространстве Центральной Азии, которое наглядно можно представить в диаграмме № 1.

На круговой диаграмме представлены шесть основных аспектов, каждый из которых занимает определённую долю в общей структуре: энергетическая безопасность (25%), региональное сотрудничество (20%), трансграничные водные ресурсы (20%), политико-правовые механизмы (15%), международные соглашения (10%) и наследие СССР (10%). Такое распределение свидетельствует о сложности и многогранности проблематики, требующей системного и междисциплинарного подхода. В комментарии к таким результатам можно сказать, что энергетическая безопасность (25%) занимает наибольшую долю, что подчёркивает её приоритет для региона.

Ключевые аспекты энергетической безопасности в Центральной Азии

Обеспечение устойчивых энергетических потоков тесно связано как с внутренней политической стабильностью государств, так и с их внешней политикой. Уязвимость энергосистем, унаследованных от советской эпохи, и необходимость модернизации инфраструктуры требуют скоординированных действий и совместных инвестиций. В тоже время, региональное сотрудничество (20%) и трансграничные водные ресурсы (20%) отражают взаимозависимость государств региона в вопросах использования и управления водными и энергетическими ресурсами. Исторически сложившиеся гидроэнергетические комплексы, расположенные на стыке нескольких государств, обуславливают необходимость диалога и выработки совместных механизмов регулирования. Также необходимо отметить, что политико-правовые механизмы (15%) указывают на значимость создания нормативно-правовой базы, регулирующей отношения между странами. Недостаточность или несовершенство этих механизмов часто приводит к конфликтам интересов и затрудняет достижение консенсуса по распределению ресурсов.

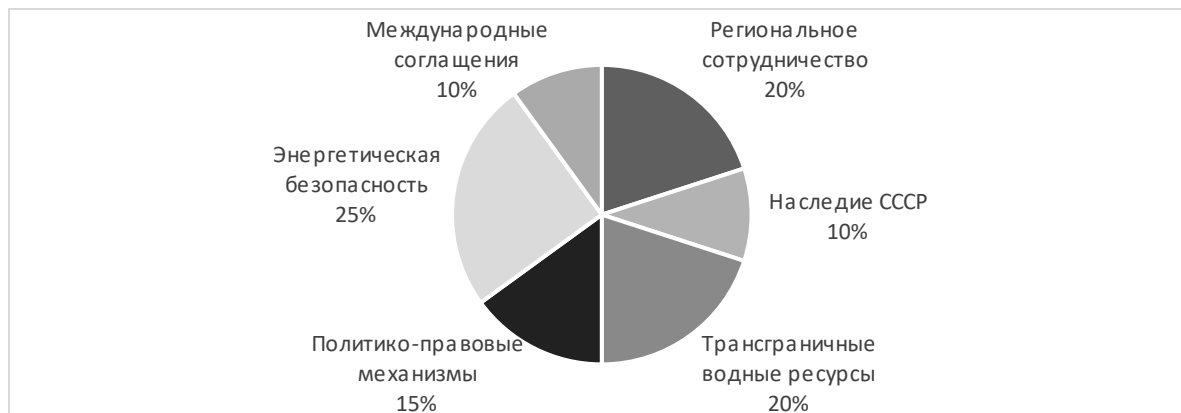

Рисунок 1 - Структура энергетической безопасности Центральной Азии

Международные соглашения (10%) выступают дополнительным инструментом обеспечения стабильности и предсказуемости в межгосударственных отношениях и эффективность соглашений во многом определяется политической волей сторон и механизмами их реализации на практике. Ясно, что в советское время использование воды регулировалось пропорционально: водохранилища верховья летом сбрасывали воду для орошения хлопковых полей, а зимой течение рек сохранялось для производства гидроэлектроэнергии; взамен республики низовья поставляли в верховья топливо (газ и уголь) и электроэнергию. После обретения независимости этот баланс «вода в обмен на энергию» был нарушен [Energy Information Administration, 1993]. Таким образом, наследие СССР (10%) подчёркивает влияние советского периода на современную структуру водно-энергетической системы региона. Единая инфраструктура, разделённая между новыми независимыми государствами, до сих пор во многом определяет характер современных вызовов и требует поиска новых моделей взаимодействия.

Предположить, что отсутствие эффективных политических механизмов и институтов управления энергетической инфраструктурой усиливает риски коррупции и неэффективного использования ресурсов, что, в свою очередь, усугубляет общую политическую и экономическую нестабильность в постсоветских странах [Таджикистан и Узбекистан договорились о разделе Фархадской ГЭС, [www](#)].

Крупные реки региона, такие как Амударья и Сырдарья, берут начало в странах верховья – Таджикистане и Кыргызстане – и текут в страны низовья – Узбекистан, Казахстан и Туркменистан. Отсутствие эффективных региональных соглашений привело к тому, что страны верховья зимой, для решения проблемы нехватки электроэнергии, вынуждены сбрасывать избыток воды из водохранилищ, что негативно сказывается на посевах в странах низовья в неблагоприятный сезон. Таким образом, конфликт интересов между странами верховья (Кыргызстан, Таджикистан) и низовья (Казахстан, Узбекистан, Туркменистан) после 1991 года оказывает постоянное давление на механизм регионального сотрудничества. Этот водно-энергетический конфликт является не только технической и экономической проблемой, но и может иметь последствия для безопасности: напряженность между государствами, нехватка воды и отключения электроэнергии могут вызвать социальные волнения.

Очевидно, что энергетическая безопасность является неотъемлемой частью общей политической безопасности в регионе, а инфраструктурные проблемы, унаследованные от советской эпохи, продолжают оказывать долгосрочное влияние на стабильность и устойчивость постсоветских государств. Энергетическая безопасность в странах Центральной Азии – это сложная область, где инфраструктурные ограничения советского периода пересекаются с необходимостью региональной координации, урегулирования водных ресурсов и стратегий модернизации. Межгосударственные соглашения 1992–1999 годов и внутрирегиональные энергетические концепции, такие как кыргызская до 2030 года, закладывают основу устойчивого развития и стабильности в долгосрочной перспективе.

Приведенные соглашения, а также многочисленные международные акты и договоры показывают, что правительства стран осознают, как советское инфраструктурное наследие (разрушение единой плановой системы, унаследованные сети и мощности, необходимость их модернизации) влияет на современные задачи энергетической безопасности и формирует политические приоритеты (контроль над маршрутами, сотрудничество на постсоветском пространстве, зависимость от внешних ресурсов и технологий). Энергетическая безопасность занимает ключевое место в рамках общей политической безопасности, особенно в странах

постсоветского пространства. Наследие советской инфраструктуры продолжает влиять на устойчивость этих государств: устаревшие системы требуют масштабной модернизации, а их интеграция в межгосударственные схемы создает уязвимость при любых изменениях. Анализ исторических соглашений о водно-энергетическом сотрудничестве в Центральной Азии выявляет их важность, но и указывает на недостатки в обеспечении энергетической безопасности. Для устойчивого развития региона необходимо совершенствование правовой базы, модернизация инфраструктуры, развитие возобновляемой энергетики и укрепление регионального сотрудничества, подкрепленное научными исследованиями и анализом геополитических факторов.

Крупные реки региона, такие как Амударья и Сырдарья, берут начало в странах верховья – Таджикистане и Кыргызстане – и текут в страны низовья – Узбекистан, Казахстан и Туркменистан. Отсутствие эффективных региональных соглашений привело к тому, что страны верховья зимой, для решения проблемы нехватки электроэнергии, вынуждены сбрасывать избыток воды из водохранилищ, что негативно сказывается на посевах в странах низовья в неблагоприятный сезон. Таким образом, конфликт интересов между странами верховья (Кыргызстан, Таджикистан) и низовья (Казахстан, Узбекистан, Туркменистан) после 1991 года оказывает постоянное давление на механизм регионального сотрудничества. Этот водно-энергетический конфликт является не только технической и экономической проблемой, но и может иметь последствия для безопасности: напряженность между государствами, нехватка воды и отключения электроэнергии могут вызвать социальные волнения.

Очевидно, что энергетическая безопасность является неотъемлемой частью общей политической безопасности в регионе, а инфраструктурные проблемы, унаследованные от советской эпохи, продолжают оказывать долгосрочное влияние на стабильность и устойчивость постсоветских государств. Энергетическая безопасность в странах Центральной Азии – это сложная область, где инфраструктурные ограничения советского периода пересекаются с необходимостью региональной координации, урегулирования водных ресурсов и стратегий модернизации. Межгосударственные соглашения 1992–1999 годов и внутрирегиональные энергетические концепции, такие как кыргызская до 2030 года, закладывают основу устойчивого развития и стабильности в долгосрочной перспективе.

Приведенные соглашения, а также многочисленные международные акты и договоры показывают, что правительства стран осознают, как советское инфраструктурное наследие (разрушение единой плановой системы, унаследованные сети и мощности, необходимость их модернизации) влияет на современные задачи энергетической безопасности и формирует политические приоритеты (контроль над маршрутами, сотрудничество на постсоветском пространстве, зависимость от внешних ресурсов и технологий). Энергетическая безопасность занимает ключевое место в рамках общей политической безопасности, особенно в странах постсоветского пространства. Наследие советской инфраструктуры продолжает влиять на устойчивость этих государств: устаревшие системы требуют масштабной модернизации, а их интеграция в межгосударственные схемы создает уязвимость при любых изменениях. Анализ исторических соглашений о водно-энергетическом сотрудничестве в Центральной Азии выявляет их важность, но и указывает на недостатки в обеспечении энергетической безопасности. Для устойчивого развития региона необходимо совершенствование правовой базы, модернизация инфраструктуры, развитие возобновляемой энергетики и укрепление регионального сотрудничества, подкрепленное научными исследованиями и анализом геополитических факторов.

Однако, трансграничное проектирование инфраструктуры не представляло проблемы в условиях единого советского государства, но после распада СССР в 1991 году независимые государства столкнулись со сложными инфраструктурными сетями, разделенными между их территориями. Это общее наследие сегодня служит как основой для сотрудничества, так и причиной межрегиональных разногласий.

Проблема трансграничного управления водными ресурсами в Центральной Азии усугубляется как внутренними факторами, так и глобальными тенденциями. С одной стороны, регион сталкивается с наследием советской эпохи, когда единая энергетическая и ирригационная система была спроектирована без учета административных границ, что после распада СССР привело к сложным взаимозависимостям и конфликтам интересов между странами верховьев и низовьев, особенно в рамках дилеммы "вода в обмен на энергию". С другой стороны, нарастающее глобальное давление на водные ресурсы, вызванное изменением климата (засухи) и растущим спросом, лишь обостряет существующие проблемы. [Соенена et al., 2021]

Дополнительно Таджикистан активно вовлечён в энергетическое сотрудничество в рамках Содружества Независимых Государств (СНГ). Республика является участником Соглашения СНГ о сотрудничестве в области электроэнергетики от 1992 года, учредившего Электроэнергетический совет СНГ. В 2000-е годы Таджикистан подписал ряд решений и протоколов Экономического совета СНГ, направленных на создание общего электроэнергетического рынка и эффективное использование гидроэнергетических ресурсов Центральной Азии. Эти правовые соглашения способствуют укреплению политической стабильности, энергетической безопасности и обеспечивают правовую основу для сотрудничества и интеграции стран региона в мировой энергетический рынок.

Для эффективного решения проблемы трансграничных вод в Центральной Азии необходимо налаживать партнерские отношения между академическими учреждениями, правительственными органами и заинтересованными сторонами отрасли, как это делается в других регионах мира. Только комплексный подход, учитывающий как глобальный опыт, так и региональную специфику, позволит найти устойчивые решения для обеспечения водной безопасности в Центральной Азии и снижения рисков возникновения конфликтов из-за водных ресурсов. Необходимо стремиться к созданию новой модели сотрудничества, основанной на справедливом распределении водных ресурсов, устойчивом управлении и учете интересов всех стран региона.

Хотя, в последние годы наблюдаются новые усилия по сотрудничеству. Изменение руководства в ключевых странах, в том числе замена долгосрочного президента Узбекистана Ислама Каримова на Шавката Мирзиёева в 2016 году, смягчило атмосферу региональных отношений. Например, давний спор о плотине Фархадской ГЭС на границе между Таджикистаном и Узбекистаном, [Energy Information Administration, 1995], который даже сопровождался военным столкновением в 2002 году, был разрешен в 2018 году соглашением о совместном использовании. Кроме того, Узбекистан изменил свою прежнюю жесткую позицию против строительства крупной Рогунской ГЭС в Таджикистане и сегодня проявляет большую готовность к сотрудничеству в области гидроэнергетики [Goldthau, Sovacool, 2012]. Эти процессы показывают, что, несмотря на сложное советское наследие, страны региона осознают необходимость большей водно-энергетической интеграции в условиях изменения климата и меняющейся международной обстановки.

Наконец, отметим участие Таджикистана в межрегиональных инфраструктурных

соглашениях, непосредственно касающихся энергосетей. Помимо вышеупомянутого CASA-1000, Таджикистан и Кыргызстан в 2022 г. подписали меморандум с Узбекистаном о строительстве ЛЭП «Север–Юг» для связи энергосистем трех стран (этот проект может быть оформлен как отдельное соглашение о транзите и распределении мощности). Также ведется сотрудничество с Афганистаном – подписаны контракты на экспорт таджикской электроэнергии, защищенные межправительственным соглашением 2010 г., обеспечивающим платежи с афганской стороны при поддержке Всемирного банка. Такие договоры, хотя и двусторонние, становятся частью общей сети международных обязательств страны в энергетике. Подводя итог, можно сказать, что международно-правовая вовлеченность Таджикистана в энергетику охватывает глобальный уровень (Энергетическая хартия, климатические соглашения), региональный (СНГ, ЦА, ШОС) и двусторонний. Это отражает понимание того, что энергообеспечение и энергобезопасность в современном мире не могут эффективно достигаться в одиночку.

Например, в 2007 г. на заседании Электроэнергетического совета в Душанбе была принята программа поэтапного создания общего рынка электроэнергии СНГ⁷. Хотя эти инициативы реализуются медленно, они создают правовую основу для межгосударственного обмена энергией. Помимо СНГ, Таджикистан сотрудничает в энергетике в рамках Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) и Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) – где обсуждаются энергопроекты (в ШОС даже создан Энерго-клуб для диалога производителей и потребителей энергии, в котором Таджикистан участвует). Однако эти площадки пока не привели к заключению конкретных юридически обязывающих конвенций по энергии. Что касается глобальных энергетических конвенций, затрагивающих интересы Таджикистана, то можно упомянуть Рамочную конвенцию ООН об изменении климата (РКИК ООН) и Парижское соглашение 2015 г. Таджикистан ратифицировал их и тем самым взял обязательства по переходу на устойчивую энергетику, увеличению доли возобновляемых источников (в его случае – гидроэнергии) и сокращению выбросов парниковых газов. Хотя эти документы не являются «энергokonвенциями» в узком смысле, их выполнение тесно связано с энергетической политикой. Таджикистан акцентирует на международных форумах, что его гидроэнергетическая стратегия способствует реализации Парижского соглашения, поскольку практически безуглеродная электроэнергия ГЭС помогает избегать сжигания ископаемого топлива.

Также страна присоединилась к Международному агентству по возобновляемым источникам энергии (IRENA) в 2009 г., что облегчает обмен передовым опытом и получение технической поддержки в области ВИЭ. В атомной энергетике (как части международных обязательств) Таджикистан, не имея АЭС, тем не менее участвует в режимах нераспространения: он является стороной Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО) и ряда конвенций МАГАТЭ по ядерной безопасности. Это упоминалось, например, в контексте того, что Таджикистан присоединился ко всем основным международным договорам о ядерной безопасности и остаётся безъядерным государством.

Спустя три десятилетия после распада СССР правовая картина в области трансграничного водопользования и энергетических сетей Центральной Азии остается сложной и многоплановой. С одной стороны, накоплен ценный опыт сотрудничества: несмотря на конфликты, страны региона сумели избежать открытых водных войн, сохранили базовые институты вроде МКВК, заключили ряд успешных соглашений (Чу-Талас, Фархад, водно-энергетические обмены конца 90-х). Таджикистан в этом контексте проявил себя и как сторонник конструктивного диалога (продвижение инициатив ООН, компромиссы с соседями),

и как проводник своих национальных интересов (доведение Рогунского проекта до реализации, реформирование внутреннего законодательства под задачи гидроэнергетического развития). С другой стороны, остаются нерешенные проблемы: регион не имеет всеобъемлющего юридически обязывающего договора по водам Аральского бассейна; энергетическая интеграция возрождается, но хрупка и зависит от политической конъюнктуры; национальные законодательства не полностью согласованы между собой, что порождает риски (например, различные подходы к плате за воду или транзит электроэнергии). Для Таджикистана как государства верховья и энергетического «аккумулятора» критически важно укрепление правовых гарантий как на региональном, так и на международном уровне. В сфере трансграничных вод дальнейший прогресс возможен через адаптацию принципов международного водного права к региональным реалиям – возможно, путем разработки новой региональной конвенции при поддержке ООН или других посредников. Такая конвенция могла бы закрепить конкретные доли потребления воды, механизмы разрешения споров, процедуру согласования новых гидроэнергетических проектов (например, обязательную экологическую экспертизу, уведомление и обсуждение со всеми затронутыми сторонами – *de facto* такие процедуры уже соблюдаются по крупным проектам). В энергетике формирование общего электроэнергетического рынка Центральной Азии с едиными правилами транзита и торговли могло бы быть оформлено отдельным мультисторонним соглашением – предпосылки к этому создаются через СНГ и двусторонние договоренности. Национальное законодательство Таджикистана будет и дальше совершенствоваться. В водном секторе важна имплементация положений Кодекса 2020 г. – создание реально функционирующих бассейновых организаций, внедрение принципа «пользователь платит», повышение ответственности за загрязнение вод. В энергетике – развитие нормативной базы для привлечения частных инвестиций, возможно, тарифное разделение (базовых телекоммуникационных услуг) государственной энергокомпании, стимулирование возобновляемых источников помимо крупных ГЭС (солнечных станций для децентрализованных сообществ и т.п.). Все эти внутренние меры должны сочетаться с внешней стратегией: участием в глобальной энергетической повестке (декарбонизация, региональная торговля энергией, цифровизация сетей). В итоге, правовое регулирование трансграничных вод и энергосетей в Центральной Азии постепенно движется от наследия советской плановой системы к современным принципам международного права и регионального сотрудничества. Процесс этот сопровождается неизбежными трудностями, но прогресс очевиден. Таджикистан, пройдя через период конфликтов и изоляции, сейчас выступает активным бенефициаром сотрудничества – экспортирует электроэнергию соседям, привлекает инвесторов в гидропроекты, участвует в разработке новых правил. Академическое исследование данной темы показывает, что право играет ключевую роль в преобразовании конфликтного потенциала ресурсов в механизм устойчивого развития: только на основе четких правовых норм и обязательств можно обеспечить справедливое распределение воды и взаимовыгодное использование энергии в регионе. В этом смысле, продолжение юридического диалога между центральноазиатскими странами – залог того, что общие реки и сети станут не источником разделения, а мостом сотрудничества в Центральной Азии XXI века.

Заключение

Таким образом, советское наследие существенно повлияло на энергетическую безопасность и политическую стабильность Центральной Азии. Несмотря на то, что интегрированная инфраструктура советского периода заложила основы для регионального

сотрудничества, её распад выявил значительные правовые и технические проблемы. Устаревшие законодательные нормы, недостаток инвестиций и конфликтные интересы между странами верховьев и низовьев создают угрозы региональной безопасности и устойчивому развитию. Для преодоления этих вызовов требуется принятие комплекса мер, направленных на модернизацию инфраструктуры, совершенствование правового регулирования и развитие региональных механизмов сотрудничества. Реализация предложенных мер позволит обеспечить не только энергетическую и водную безопасность, но и устойчивое экономическое развитие, улучшение качества жизни населения и экологическую стабильность региона в условиях глобальных климатических изменений.

Энергетическая безопасность Центральной Азии не может быть достигнута без комплексного учета трансграничного характера водных ресурсов, советского инфраструктурного наследия и необходимости регионального сотрудничества. Правовые механизмы, основанные на международных нормах и прозрачных процедурах, могут стать фундаментом устойчивого развития. Успешное решение этих задач создаст условия для политической стабильности, экономического роста и экологического баланса.

Библиография

1. Гулиев И. А., Соловова Ю.В. Энергетический переход: понятие и исторический анализ. Особенности текущего энергетического перехода // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2021. № 10 (часть 2) с. 98-105
2. Манжина, С., Медведева, Л. Современные подходы к определению экономически обоснованной стоимости подачи воды на орошение. Мелиорация и гидротехника, 3 (31) 2018 Ещё: Манжина, С., Медведева, Л. () К вопросу привлечения инвестиций в мелиорацию через формирование платы за подачу воды сельскохозяйственным водопотребителям. Мелиорация и гидротехника, 2 (34). 2019.
3. Ормышева, Т.А., & Кукеева, Ф.Т. Сотрудничество стран Центральной Азии по решению проблемы трансграничных рек: анализ основных соглашений. Вестник КазНУ. Серия международные отношения и международное право, 73(1) 2016, 65-69. <https://bulletin-ir-law.kaznu.kz/index.php/1-mo/article/download/411/405/>;
4. Рогунская ГЭС – новая сила Таджикистана. URL: [http://tajikistantimes.com/news_rus/Rogun Fortress-the new power-of-Tajikistan/](http://tajikistantimes.com/news_rus/Rogun_Fortress-the_new_power-of-Tajikistan/)
5. Таджикистан и Узбекистан договорились о разделе Фархадской ГЭС. Interfax.ru. 11 января 2018. Архивировано 11 января 2018. Дата обращения: 24.06.2025
6. Coenena T., T. Hansenc, A. Glasmeiere, R. Hassink, Regional foundations of energy transitions, Camb. J. Reg. Econ. Soc. 14 (2021) 219–233, <https://doi.org/10.1093/cjres/rsab010>
7. Energy Information Administration, February 1993. Household Energy Consumption and Expenditure 1990, DOE/EIA - 0321(90).
8. Energy Information Administration, September 1995, Emissions of Green House Gases in the United States 1987-1994, DOE/EIA 0573(1994)
9. Goldthau Andreas, Sovacool Benjamin K. The uniqueness of the energy security, justice, and governance problem// Energy Policy Volume 41, February 2012, Pages 232-240: <https://doi.org/10.1016/j.enpol.2011.10.042>
10. Janusz-Pawletta Barbara, Gubaidullina Mara , Transboundary Water Management in Central Asia. Legal Framework to Strengthen Interstate Cooperation and Increase Regional Security//Cahiers d'Asie centrale, № 25, Paris, 2015, pp. 195–215
11. Jessica Jewell, Aleh Cherp, Keywan Riahi Energy security under de-carbonization scenarios: an assessment framework and evaluation under different technology and policy choices Energy Policy, 65 (2014), pp. 743-760, 10.1016/j.enpol.2013.10.051
12. Leman M. Central Asian and Cyprus Water Desalination Experience// Engineering and Applied Sciences 2024, Vol. 9, No. 4, pp. 20-26 <https://doi.org/10.11648/j.eas.2024>
13. Mumford Lewis // Encyclopædia Britannica (англ.);
14. Nesmashniy A/ The water–energy security nexus in Central Asia: evaluating the effectiveness of international governance//Pathways to Peace and Security, Moscow, 2024, pp. 229–253
15. Peter A. O'Connor, Energy Transitions (The Pardee Papers/No. 12/ November 2010)
16. Sovacool Benjamin K. Mukherjee Ishani. Conceptualizing and measuring energy security: A synthesized approach//Energy, Volume 36, Issue 8, August 2011, Pages 5343-5355, <https://doi.org/10.1016/j.energy.2011.06.043>
17. Yergin D. Ensuring Energy Security//Foreign Affairs, Vol. 85, No. 2 (Mar. - Apr., 2006), pp. 69-82

Political-Legal and Geopolitical Aspects of Central Asian Energy Security in the Context of Transboundary Water Use

Dzhura S. Shovalli

Director,
Autonomous Non-Profit Organization "Eurasia",
119021, 11, Timura Frunze str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: sng.obr@yandex.ru

Abstract

The article examines the legal and geopolitical aspects of ensuring energy security in Central Asia in the context of transboundary water use. It emphasizes the impact of Soviet infrastructure legacy, analyzes challenges and opportunities for regional cooperation, and reviews international and bilateral agreements. Special attention is paid to the role of Tajikistan as an upstream country and an active participant in energy integration. The study concludes by highlighting the importance of legal regulation and the development of multilateral mechanisms for the sustainable management of water and energy resources.

For citation

Shovalli D.S. (2025) Politiko-pravovyye i geopoliticheskiye aspekty energeticheskoy bezopasnosti Tsentral'noy Azii v usloviyakh transgranichnogo vodopol'zovaniya [Political-Legal and Geopolitical Aspects of Central Asian Energy Security in the Context of Transboundary Water Use]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy* [Theories and Problems of Political Studies], 14 (7A), pp. 103-114. DOI: 10.34670/AR.2025.94.75.009

Keywords

Energy security, transboundary water use, Central Asia, international water law, regional cooperation, water and energy resources.

References

1. Guliev I. A., Solovova Yu.V. Energy transition: concept and historical analysis. Features of the current energy transition // Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law. – 2021. – No. 10 (part 2) –pp.98-105
2. Manzhina, S., Medvedeva, L. Modern approaches to determining the economically reasonable cost of water supply for irrigation. Land Reclamation and Hydraulic Engineering, 3 (31) 2018 More: Manzhina, S., Medvedeva, L. () On the issue of attracting investments in land reclamation through the formation of fees for water supply to agricultural water consumers. Land Reclamation and Hydraulic Engineering, 2 (34). 2019.
3. Ormysheva, T.A., & Kukeeva, F.T. Cooperation of Central Asian countries in solving the problem of transboundary rivers: an analysis of the main agreements. KazNU Bulletin. International Relations and International Law Series, 73(1) 2016, 65-69. <https://bulletin-ir-law.kaznu.kz/index.php/1-mo/article/download/411/405/>;
4. Rogun HPP is a new force in Tajikistan. URL: http://tajikistantimes.com/news_rus/RogunFortress-the-new-power-of-Tajikistan/
5. Tajikistan and Uzbekistan have agreed on the division of the Farkhad HPP. Interfax.ru January 11, 2018. Archived on January 11, 2018. Date of request: 06/24/2025
6. Cohen, T., T. Hansen, A. Glasmaier, R. Hassink, Regional Foundations of Energy Transformation, Cambridge Econ Conference. Soc. 14 (2021) 219-233, <https://doi.org/10.1093/cjres/rsab010>
7. Energy Information Administration, February 1993, Household Energy consumption and expenditure data for 1990, DOE/EIA-0321(90).

8. Energy Information Administration, September 1995, Greenhouse Gas emissions in the United States, 1987-1994, DOE/EIA 0573 (1994).
9. Goldtau Andreas, Sovakul Benjamin K. The uniqueness of the problem of energy security, justice and governance// Energy Policy, Volume 41, February 2012, pp. 232-240: <https://doi.org/10.1016/j.enpol.2011.10.042>
10. Janusz-Pavletta Barbara, Gubaidullina Mara, Management of transboundary water resources in Central Asia. The legal framework for strengthening interstate cooperation and enhancing regional security //Cahiers d'Asie Centrale, No. 25, Paris, 2015, pp. 195-215
11. Jessica Jewell, Oleg Cherp, Keyvan Riahi Energy security under decarbonization scenarios: an assessment system and analysis for various technology and policy options Energy Policy, 65 (2014), pp. 743-760, 10.1016/j.enpol.2013.10.051
12. Lehman M. The experience of water desalination in Central Asia and Cyprus // Engineering and Applied Sciences 2024, Volume 9, No. 4, pp. 20-26. <https://doi.org/10.11648/j.eas.2024>
13. Mumford Lewis // Encyclopedia Britannica (eng.);
14. Nesmashny A./ The relationship between water and energy security in Central Asia: an assessment of the effectiveness of international governance //Paths to Peace and Security, Moscow, 2024, pp. 229-253
15. Peter A. O'Connor, "Energy Transformation" (The Pardee Papers/No. 12/ November 2010)
16. Sovakul, Benjamin K. Mukherjee Ishani. Conceptualization and measurement of energy security: a synthesized approach//Energy, Volume 36, Issue 8, August 2011, Pages 5343-5355, <https://doi.org/10.1016/j.energy.2011.06.043>
17. Yergin D. Ensuring energy security//Foreign Affairs, volume 85, No. 2 (March -April 2006), pp. 69-82